

Твит против канцелярита:
как меняется язык российской
дипломатии в условиях
мироперехода

Роман Райнхардт

Об авторах

Роман Райнхардт

Кандидат экономических наук, доцент кафедры дипломатии
МГИМО МИД России

Данный текст и другие материалы
можно найти на нашем сайте:
<http://ru.valdaiclub.com/a/valdai-papers/>

Данный текст отражает личное мнение автора или группы
авторов, которое может не совпадать с позицией Клуба,
если явно не указано иное.

© Фонд развития и поддержки Международного
дискуссионного клуба «Валдай», 2020

Российская Федерация, 115184, Москва,
улица Большая Татарская, дом 42

Дипломатия переживает сегодня качественную трансформацию, которая сказывается на всех её измерениях. Появляются новые формы международного сотрудничества, происходит ускорение глобально-политических процессов, увеличиваются контакты с зарубежными партнёрами и контрагентами. Эти изменения оказывают влияние и на характер внешнеполитического нарратива, и на язык дипломатии, в том числе российской. В связи с этим представляется интересным осмыслить новейшие тенденции, определяющие её дальнейшее развитие.

Разговор на высшем уровне

Первое, на что следует обратить внимание – это феномен повышения уровня трибун международного и межгосударственного общения. Важнейшие решения в области глобальной политики и экономики всё чаще принимаются не в ходе длительных переговоров делегаций, представляющих внешнеполитические ведомства различных стран, а в ходе встреч лидеров этих стран. Формат саммитов последовательно вытесняет конференции, совещания и все остальные классические дипломатические переговоры. Министр иностранных дел СССР Андрей Громыко говорил, что «лучше десять лет переговоров, чем один день войны». Перефразируя эту знаменитую максиму, можно утверждать, что сейчас – с точки зрения разрешения конфликтов – десять минут разговора двух президентов эффективнее нескольких встреч на уровне министров иностранных дел или заседаний специальных комиссий.

Это обстоятельство влечёт за собой изменение роли привычных дипломатических институтов: посольства и иные загранучреждения теперь работают не только в режиме аналитических центров и участников переговоров, но, выражаясь бытовыми категориями, «туристических агентств», обслуживающих первых лиц государства. Их важной задачей становится протокольное сопровождение мероприятий на высшем уровне. Как следствие, значительный объём работы дипломатического состава приходится не столько на аналитическую и информационно-разъяснительную часть, сколько на административно-техническую. Сотрудники центрального аппарата и загранучреждений МИД всё меньше занимаются подготовкой справок, записок, выступлений перед представителями государства пребывания и всё больше – организацией визитов на высшем и высоком уровне, решением задач по размещению, перемещениям, соблюдению графика, обеспечению безопасности и прочая.

Разумеется, частота и интенсивность такой деятельности зависит от времени и места: одно дело – Брюссель или Париж; совсем другое – представительство в столице, где сильные мира сего встречаются реже или не встречаются вовсе. Дипломатическая рутина сводится к встречам, переездам, рассадке и, наконец, проводам. Сюда же можно отнести и технические, «мелкие» с позиции обывателя, но важные с точки зрения соблюдения норм международной вежливости аспекты – в частности, соблюдение норм использования государственной символики.

Таким образом, от среднего сотрудника министерства иностранных дел гораздо в меньшей степени, чем ещё несколько лет и тем более десятилетий назад, требуются такие качества, как ораторское мастерство, умение убедить оппонента, отстаивать позицию страны по тому или иному вопросу. Его функционал – более прикладной и вспомогательный, что ни в коем случае не говорит об отмирании профессии, как склонны считать некоторые эксперты, но о качественных сдвигах в профессиограмме¹. Риторика рядовых дипломатов вымывается из внешнеполитического нарратива.

Зато всё громче звучат и всё большее влияние обретают слова их руководителей. Как показывает практика, разговор на полях лидеров ведущих держав или даже их телефонное общение способны внести более весомый вклад в разрешение сложных ситуаций по сравнению с множественными всеобъемлющими заседаниями рабочих групп, раундами обсуждений и так далее. В современных условиях сложно представить себе Хельсинкскую конференцию: она просто не дала бы результатов. А вот «Большая семёрка», «Двадцатка», БРИКС, Давосский и Петербургский форумы – дают. В итоге налицо перераспределение веса слова в дипломатии (как его определял Анатолий Ковалёв²). У заявлений Владимира Путина и Дональда Трампа он растёт, у высказываний чрезвычайных и полномочных послов обеих стран, не говоря уже о других дипломатических агентах, – снижается.

Язык и личность

Рост этих диспропорций внутри системы приводит к оформлению второго явления – персонификации внешнеполитического дискурса. Интересно анализировать выступления глав государств, председателей правительств, министров иностранных дел, руководителей регионов по внешнеполитической проблематике, имея при этом в виду, что готовятся они в основном «под них» (то есть с учётом личных риторических особенностей и индивидуальных

---

¹ Зонова Т. В. *Профессия – дипломат // Дипломатическая служба Российской Федерации / Под ред. А.В. Торкунова. М.: Аспект-Пресс, 2019. С. 9–21.*

² Ковалев А. Г. *Азбука дипломатии. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Интерпракс, 1993. С. 66.*

предпочтений) сотрудниками соответствующих аппаратов, зачастую не имеющими опыта дипломатической работы. Именно они теперь занимаются «штабной» работой по выработке формулировок, в то время как «полевая» работа профессиональных дипломатов сводится, условно говоря, к обеспечению бесперебойного функционирования микрофона, звуковой аппаратуры и другой техники. Безусловно, спичрайтер не новая профессия, однако сейчас они не только косвенным образом монополизируют эфир, но и формируют ландшафт предметного поля дипломатического языка.

Тем не менее заранее подготовленные речи – одно, а спонтанные высказывания – совсем другое. В них проявляется то, что, воспользовавшись метафорой поэта Евгения Баратынского, можно назвать «лица необщим выражением». Всё чаще звучат довольно жёсткие сентенции. Здесь достаточно упомянуть, как президент США Дональд Трамп называл Иран «террористическим государством номер один»³, а венесуэльского лидера Николаса Мадуро – «кубинской марионеткой»⁴. Давать главам других государств относительно вульгарные характеристики, причём не только отрицательные («кто так обзывается...»), но и положительные – вообще конёк действующего главы Белого дома. Президент Владимир Путин, например, недавно «удостоился» от него звания «прекрасного парня»⁵.

В связи с этим вспоминается как тот, в свою очередь, назвал посла Польши в Германии (1934–1939) Юзефа Липского, пообещавшего установить памятник Гитлеру за высылку евреев в Африку, «сволочью и антисемитской свиньёй»⁶. Такая негативная и эмоциональная характеристика вне зависимости от субъективных оценок видится также довольно типичной для дискурса российского лидера. Анализ его речей за прошедшие двадцать лет позволяет судить о привычке выражаться прямо, жёстко, образно. Словом – так, как в представлении обывателя о дипломатических сюжетах говорить не принято. То же отчасти относится и к действующему министру иностранных дел Сергею Лаврову, олицетворяющему современную отечественную дипломатию, но вместе с тем «радующего» того самого обывателя хлёсткими фразами вроде – «вы больные, девочки»⁷. Пытаться мимикрировать под их стиль было бы нелепо и комично. Зато вполне уместно говорить о таких явлениях, как «язык Путина» или «язык Лаврова».

---

³ Трамп назвал Иран «террористическим государством номер один» // РБК, 06.02.2017. Ссылка: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/589822879a7947225d3556a4>

⁴ Трамп назвал Мадуро «кубинской марионеткой» // Интерфакс, 24.09.2019. Ссылка: <https://www.interfax.ru/world/677744>

⁵ Трамп назвал отличной встречу с «прекрасным парнем» Путиным // РБК, 29.07.2019. Ссылка: <https://www.rbc.ru/politics/29/06/2019/5d16fd5b9a79470938a353e1>

⁶ Путин назвал «сволочью и антисемитской свиньёй» экс-посла Польши в Германии // Газета.ru, 24.12.2019. Ссылка: https://www.gazeta.ru/politics/news/2019/12/24/n_13851812.shtml

⁷ Вы больные, девочки: Лавров осадил грузинских журналисток // Вести, 26.02.2020. Ссылка: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=3243415>

Как они воспринимаются зарубежными слушателями в лице непосредственных адресатов и широкой публики – другой вопрос. Здесь даёт о себе знать дистанция между профессиональным языком российской дипломатии и эмоциональным языком западной дипломатии. Исторически корень этого явления, надо полагать, лежит в профессионализме и «системности» отечественной дипслужбы. В отличие от американской и большинства западноевропейских советская и впоследствии российская дипслужба всегда отличалась замкнутостью и элитарностью. Это объясняется наличием собственных кузниц кадров (МГИМО, Дипломатическая академия) и высокими входными барьерами в профессию. Российские дипломаты до сих пор остаются в некотором роде кастой с развитой и выраженной корпоративной культурой. Неизбежное социальное последствие такого обособления – появление собственного языкового кода и жаргона.

Весь труд дипломата так или иначе работа с языком. В силу этой специфики внутриведомственный дискурс тесно соприкасается с публичным, то есть направленным вовне. Представителям других ремёсел (взять хотя бы госорганы) в этом смысле проще. Несмотря на схожесть архитектуры и принципов функционирования бюрократического аппарата, их коммуникационные бэк- и фронт-офисы, как правило, расположены дальше друг от друга. Зато любой дипломат, вне зависимости от участка работы, в той или иной степени «сам себе пресс-секретарь». Говоря же о самом главном среди них, заметим, что и Мария Захарова, и практически все её предшественники на посту главы Департамента информации и печати (в прошлом – Управления, ещё раньше – Отдела) – это кадровые дипломаты. Для сравнения: в США аналогичная должность в Государственном департаменте на протяжении последних полутора десятилетий замещается выходцами из других сфер. Преимущественно журналистами.

В современной России язык общения между сотрудниками МИД в деловой обстановке и язык публичного изложения ими дипломатической позиции, обнародования информации соприкасаются и в конечном счёте сближаются. Адресаты разные, но, несмотря на это, наблюдается конвергенция и интерференция форматов, стилей и жанров. В результате отдельные элементы языка дипломатов в их профессиональном кругу проникают в общий эфир.

На Западе это явление менее выражено в силу большей гетерогенности профессионального дипломатического сообщества. Выше текучка кадров, меньше карьерных дипломатов, больше политических назначенцев. В качестве примера можно привести так называемую *spoils system* в США – практику, когда при назначении послов приоритет отдаётся не кадровым сотрудникам Госдепа, но лицам, приближённым к президенту и представляющим самые разные сферы⁸. К тому же как на младшие, так и на старшие дипломатические должности часто попадают люди с совершенно разным образованием и бэкграундом.

---

⁸ Зонова Т. В. *Дипломатия: модели, формы, методы*. М.: Аспект-Пресс, 2017. С. 11.

Путь в российские послы чаще всего долгий и линейный. Начинается он с должности (затем – ранга) атташе. Такую кадровую модель можно с известным допущением считать исторической константой, прослеживаемой вплоть до времён Посольского приказа. В российской студенческой среде даже ходит мем: «Чтоб подняться до Лаврова, пройди школу Торкунова⁹». С точки зрения ценностных установок для большинства отечественных дипломатов профессия тождественна призванию. Используя формулу из другого лексического и субкультурного пласта, они дипломаты «по жизни». Западные же в основном – по трудовой книжке. Для них работа во внешнеполитическом ведомстве – глава (у кого-то короче, у кого-то длиннее) трудовой и в куда меньшей степени личной биографии.

Разумеется, и в отечественных практиках есть исключения. Яркий пример «несистемного» посла, оказавшего значимое влияние на язык дипломатии, – Александр Бовин (1930–2004). С 1970 по 1982 годы этот видный журналист был спичрайтером генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Брежнева. Его авторству приписывают резонансные максимы: «экономика должна быть экономной», «мы встали на этот путь и с него не сойдём» и ряд других. Впоследствии, с 1991 по 1997 годы, он возглавлял Посольство СССР (два дня) и России (весь оставшийся срок) в Израиле. Свой опыт он увлекательно и остроумно описал в мемуарах, среди которых особого внимания в настоящем контексте заслуживают книги «5 лет среди евреев и мидовцев»¹⁰ и «Записки ненастоящего посла»¹¹.

Однако это ещё раз подчёркивает тезис о том, что применительно к России имеет смысл говорить о языке отдельных дипломатов. Ведомственная риторика сухая. Отдельные выдающиеся люди могут звучать образно и метко, сам институт – едва ли. На Западе наоборот. Эмоциональная, местами даже слишком, речь – плод коллективного труда. Институты «говорят» по-разному. У нас – подсознательно ориентируясь на канцелярит и клише, «ТАСС уполномочен заявить». У них – твиты Госдепа, по стилистике мало отличающиеся от твитов Трампа. Голос «типичного российского дипломата», если и сохраняется в силу своей социально-консолидирующей функции, то публично звучит всё тише. Его компенсация за счёт яркости и самобытности языка упомянутых выше дипломатов руководящего звена имеет свои пределы. Это обстоятельство во многом осложняет диалог элит на когнитивном уровне. Приверженность разным ценностям и различная корпоративная культура профессиональных сообществ затрудняет поиск точек соприкосновения и общих интересов.

---

⁹ Торкунов А. В. – российский дипломат, ректор МГИМО МИД России, академик РАН, сопредседатель российско-французского Трианонского диалога.

¹⁰ Бовин А. Е. *5 лет среди мидовцев и евреев*. М.: Захаров, 2002. С. 576.

¹¹ Бовин А. Е. *Записки ненастоящего посла*. М.: Захаров, 2004. С. 824.

Ничего, кроме правды

Третий, порождаемый предыдущими, феномен – «эгоизация» дискурса во внешней политике. Утверждения из разряда «дипломатия – это поиск компромисса», которые и раньше-то имело смысл воспринимать критически, сейчас граничат с архаикой и утопией. Дипломатия занимается отстаиванием и продвижением собственных, национальных интересов. Компромисс же воспринимается как продукт уступок и проявление слабости. Впрочем, чаще всего без него не обойтись.

Конечно, так было всегда. Однако на определённых этапах исторического развития в миро-политическом нарративе звучало обращение к неким коллективным ценностям, «общему благу», компромиссным вариантам. По большому счёту аргументация участников внешнеполитических процессов сводилась к обоснованию того, почему некоторые изначально только им выгодные действия и меры несут пользу всем. Всем – значит союзникам, третьим странам, мировому сообществу в целом, а в случае высшего пилотажа – даже противникам: это искусство «послать по известному адресу так, чтобы, отблагодарив, бодро зашагали в указанном направлении». С морально-этической точки зрения, такой подход можно считать в известной степени лицемерным и манипулятивным, тем не менее именно так работала дипломатия XIX, XX и начала XXI веков.

Сегодня в подобном заигрывании с партнёрами и публикой более нет необходимости. Тот факт, что это нужно «нам», «нашему народу», «нашей стране», объясняет необходимость и достаточность тех или иных конкретных шагов, равно как и общее поведение на международной арене. Тональность вновь задают США, что находит отражение в выступлениях первых лиц. Простой пример: на прошедшем в январе Давосском форуме Трамп практически всю свою речь посвятил собственной персоне и достижениям (главным образом, внутривнутриполитическим) американцев¹². В то время как публика ждала выражения позиции по наиболее важным вопросам глобально-политической повестки, на ней без стеснения апробировали предвыборные лозунги.

Не стоит думать, что команда стремящегося остаться на второй срок президента настолько увлечена электоральной кампанией, что перепутала швейцарский форум с площадкой в одном из штатов. Сигнал заключался

---

¹² Лукьянов Ф. А. *Стабильность и перемены // Россия в глобальной политике*, 23.01.2020. Ссылка: <https://globalaffairs.ru/articles/stabilnost-i-peremeny/>

в том, что президент даже на словах (не говоря уж о деле) не намерен камуфлировать интересы стоящих за ним политических сил под международные. Суть не в позиционировании себя выше других, но в эгоцентричности посылов: «мы ничего не должны миру». Должен ли мир что-то нам, можем ли мы взять это сами, способны ли мы достичь собственных целей самостоятельно или всё-таки с помощью тактических альянсов – другой вопрос, однако приведённая аксиоматика становится фундаментом всей дальнейшей риторики.

Подобные сигналы отражают структурные изменения политической культуры как таковой, свидетельствуют о том, что некоторые исследователи ещё несколько лет назад обозначили как «ренессанс геополитики»¹³. Эгоизм, который в зависимости от сферы может принимать различные формы (например, в экономике – протекционизма), уже не постыден. Его не осуждают. Под него адаптируются и говорят в том же ключе.

То, что ещё в начале 2000-х годов было объектом критики, презрения и порицания, ныне возводится чуть ли не в ранг добродетели. Вспоминается, как в постсоветском детстве верхом грубости считалось обозвать обидчика эгоистом. Таков был гуманизм досоциальносетевой эпохи. В сегодняшней системе ценностей крошке-сыну, скорее всего, скажут, что быть эгоистом – хорошо. Политикам в широком смысле и дипломатам уже не нужно лукавить, «делать вид»: прямота, пусть даже местами циничная, медленно, но верно входит в моду.

Во взаимодействии с отдельными партнёрами всё чаще приходится сталкиваться и с вовсе оригинальными интерпретациями дипломатического слова и дела, равно как и этики. Показательный пример – концепция «трансформационной дипломатии», впервые представленная в 2006 году Кондользой Райс, занимавшей в то время должность госсекретаря США. Продвижение демократических ценностей, причём именно тех, которым привержены сами американцы, любыми средствами, не исключая вмешательство во внутренние дела суверенных государств, фактически заложило основу так называемых гибридных войн.

Уже в 2009 году на доктринальном уровне был обозначен переход от «мягкой силы» (soft power) к «умной силе» (smart power), не просто допускающей, но напрямую стимулирующей дипломатов к проведению информационных атак, направленных на дестабилизацию политических систем негодных режимов. Такой подход, базирующийся на максимах «цель оправдывает средства» (Игнатий де Лойола) и «войны нельзя избежать, её можно лишь отсрочить к выгоде противника» (Никколо Макиавелли), во многом

---

¹³ Кортунов А. В. Блеск и нищета геополитики // Россия в глобальной политике, 25.01.2015. Ссылка: <https://globalaffairs.ru/articles/blesk-i-nishheta-geopolitiki/>

определил вектор внешней политики предыдущей и действующей администраций Белого дома. В совокупности с другими факторами это привело к росту напряжённости на международной арене, углубило и без того имеющиеся противоречия между странами. А с 2018 года во внешнеполитическом нарративе стала широко употребляться очередная производная идеи политолога Джозефа Ная – младшего – «острая сила» (sharp power), предполагающая ещё более изощрённое манипулирование общественным мнением за рубежом усилиями дипломатов¹⁴. Стоит ли удивляться после этого разговорам про «холодную войну 2.0»?

#Краткость – сестра дипломатии

Четвёртым трендом можно назвать сокращение средней длины выступлений по внешнеполитической проблематике. Главным образом, к этому ораторов подталкивает прямое информационное взаимодействие с целевой аудиторией. Поводов для такого «моментального» общения становится всё больше; следовательно, для эффективного восприятия речи дипломатов должны быть краткими, конденсированными, сжатыми.

Современная коммуникация, в том числе по тематике международных отношений, сродни фастфуду или быстрорастворимому кофе. С наступлением эпохи цифровой дипломатии основные послы должны соответствовать критерию «твиттерности», то есть укладываться в 280 (до ноября 2017 года – 140) знаков. Всё, что выходит за эти жёсткие символьные рамки, неудобоваримо.

Эта умозрительная гипотеза подкрепляется эмпирическими данными: анализ автором выборки из 311 выступлений глав государств, председателей правительств, министров иностранных дел, а также профильных программных статей за 2009–2019 годы позволил сделать вывод о том, что длина текстов сокращается на 11% в среднегодовом выражении. Налицо интенсификация сигналов: многочасовые монологи, произносимые когда-то рекордсменами вроде Фиделя Кастро или Секу Туре, которые дипломаты стенографировали и конспектировали, выделяя «смысловое ядро», ушли в прошлое. Будущее – за «молниями» и хештегами.

---

¹⁴ Nye J. *How Sharp Power Threatens Soft Power. The Right and Wrong Ways to Respond to Authoritarian Influence // Foreign Affairs*, 24.01.2018. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power>

«Не говори красиво!»

Несмотря на приобретённую краткость, язык межгосударственного общения становится всё менее конкретным – и это можно отметить в качестве пятой тенденции. Как уже говорилось выше, российский мидовский язык традиционно отличала сухость, ясность и точность формулировок¹⁵. Сейчас даже в этой среде наблюдается некоторое размывание категорий и используемых терминов.

Одним из показательных примеров может служить проникшее во внешнеполитический и международный нарратив сравнительно недавно понятие «вызовов» (глобальных, больших, новых и других). С точки зрения узуса это калька с английского «challenge», которое, в свою очередь, этимологически восходит к латинскому «calumnia» со значениями «обман» и «лжесвидетельство» (что неслучайно). Слово «вызов» достаточно незаметно вкралось в различные сферы, в том числе в глобально-политическую риторiku, и ныне широко употребляемо.

Известные словари (Ожегова, Ушакова и другие) толкуют его как «требование, приглашение явиться куда-нибудь» или «выраженное взглядом, словами, поступками и т. п. желание вступить в борьбу, в спор». Излишне пояснять, что сегодня оно употребляется не только с указанной смысловой нагрузкой.

Достаточно любопытная трактовка «больших вызовов» фигурирует в глоссарии Концепции международного научно-технического сотрудничества Российской Федерации, одобренной правительством 8 февраля 2019 года: «...объективно требующая реакции со стороны государства совокупность проблем, угроз и возможностей, сложность и масштаб которых таковы, что они не могут быть решены, устранены или реализованы исключительно за счёт увеличения ресурсов»¹⁶. Уже на первый взгляд может показаться довольно странным, что проблемы, угрозы и возможности объединяются в некую совокупность. Так в одной корзине оказываются и COVID-19, и, например, цифровая экономика. И если проблемы и угрозы воспринимаются попросту как что-то большое и страшное, то возможности, по-видимому, представляются небывалыми и уж точно ничем не ограниченными. Именно таким образом происходит даже не подмена понятий, но переключение кода восприятия адресата сообщения с рационального на эмоциональный. По форме звучит красиво, впечатляет, сущность же отходит на второй план. Ведь никто не удосуживается объяснить ни в вышеупомянутом документе,

---

¹⁵ Райнхардт Р. О. От клише к неологизмам: эволюция языка современной российской дипломатии // Россия в глобальной политике, 30.01.2020. Ссылка: <https://globalaffairs.ru/articles/ot-klishhe-k-neologizmam/>

¹⁶ Концепция международного научно-технического сотрудничества Российской Федерации. Одобрена решением Правительства Российской Федерации от 8 февраля 2019 года. Ссылка: <https://france.mid.ru/upload/iblock/7f8/7f8aadb5de45b3a58103046d70eabef2.pdf>

ни в других, какие же реальные (помимо того, что, очевидно, «большие») формы приобретают эти самые вызовы.

Сам МИД, как уже тоже отмечалось, пока ещё остаётся бастионом традиций и консерватизма. Как внутриведомственный, так и направленный вовне язык отличает логичность и предметность. Название одного из функциональных подразделений центрального аппарата – Департамента новых вызовов и угроз (ДНВ) – само по себе свидетельствует о том, что первые и вторые – совершенно разные вещи. Круг задач ДНВ прописан и вполне ясен: вопросы международного сотрудничества в противодействии терроризму, незаконному обороту наркотиков, транснациональной организованной преступности, пиратству, а также в области космоса, связи, науки и технологий¹⁷.

В то же время, подобно словам-паразитам, трендовые, но эфемерные субстанции вроде «вызовов» имеют свойства подтачивать семантический каркас дипломатического языка как такового. Они весьма токсичны и контагиозны. Во многом из-за них речь людей, принимающих решения, начинает местами напоминать вычурные, красивые с лингвистической точки зрения, однако до комичности бессодержательные монологи сэра Хамфри, героя известного британского телесериала «Да, господин министр»¹⁸. Или приближаться к общим сентенциям типа: «ведём активную работу с партнёрами, нацеленную на достижение широкого консенсуса».

Такой процесс проходит незаметно, можно даже сказать завуалированно, но его результаты налицо. Использование подобных категорий и формулировок во внешнеполитическом ведомстве 2000-х годов (не говоря о более ранних этапах, особенно советском) было бы немыслимо. Теперь же «языковые вызовы» становятся нормой.

Уважение к Слову: прикладные рекомендации

Прежде всего, имеет смысл начать бороться с тем, что герой поэмы Венедикта Ерофеева «Москва – Петушки» обозначал как «неуважение к Слову». Уважение не следует воспринимать в качестве синонима страха. В МИДе времён Громыко сотрудники действительно боялись делать ошибки,

---

¹⁷ Министерство иностранных дел Российской Федерации / Центральный аппарат. Ссылка: https://www.mid.ru/ru/about/structure/central_office

¹⁸ Christmas Message from Sir Humphrey / Yes, Minister. URL: https://www.youtube.com/watch?v=CYx_H0iEdCl. Ещё один образец искромётной политической сатиры – к вопросу о взаимоотношениях между политиками и дипломатами в Соединённом Королевстве: Diplomacy is about surviving until the next century / Yes, Prime Minister. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7hsNfNM0SvE>

в том числе пунктуационные и тем паче орфографические, поскольку санкции могли быть суровыми – вплоть до выговоров и понижения. В результате выверялась каждая буква и запятая. Дело иногда доходило до паники и паранойи.

С переходом от пишущих машинок к компьютерам служащие перестали опасаться делать не только технические ошибки и опечатки, но и смысловые. На рабочих столах всё реже можно увидеть справочник Розенталя. Стиль написания и оформления текстов становится чересчур авторским, причём там, где в этом нет необходимости. Как однажды подметил литературовед Дмитрий Быков, «в либеральные девяностые запятые ставили где попало или игнорировали вовсе, в стабильные нулевые люди начали испуганно перестраховываться и ставить их там, где они вообще не нужны»¹⁹. Бесспорно, язык – живой организм, но, думается, что какие-то его нормы всё же стоит сохранять и культивировать. Особенно это касается языка внешней политики.

Вот уже несколько лет ряды российских дипломатов (как в узком смысле – сотрудников МИД и подведомственных структур, так и в широком – деятелей так называемой общественной дипломатии) пополняются выпускниками вузов, сдававшими при поступлении в них ЕГЭ. Оставляя за скобками плюсы и минусы этой формы контроля знаний, следует отметить, что на этапе высшего образования владение (или невладение) русским языком воспринимается как данность. По наблюдениям практикующих преподавателей, есть доля студентов, которая, несмотря на высокие баллы при поступлении и оценки в процессе обучения, пишет неграмотно.

С учебно-методической точки зрения компенсировать пробелы среднего образования профессорам и доцентам специальных кафедр, во-первых, непросто, а во-вторых, неинтересно. Следует ли снижать студенту оценку за хорошо выполненную работу по международной проблематике, изобилующую стилистическими и другими ошибками, – вопрос открытый. Когда эти ошибки затрудняют понимание, всё ясно. В противном случае – всё зависит от эстетического чувства проверяющего, то есть заведомо субъективного и индивидуального фактора. В практическом плане решению проблемы могло бы способствовать:

- 1) преподавание русского языка в вузах (прежде всего, гуманитарных) не только как общеобразовательного предмета на младших курсах, но и как специального на старших – вплоть до этапа магистерской подготовки;
- 2) проверка соответствующих языковых компетенций при приёме на государственную гражданскую службу по типу экзаменов Высших курсов иностранных языков (ВКИЯ) при МИДе.

---

¹⁹ Быков Д. Л. Орфография как закон природы // Тотальный диктант, 23.04.2011. Ссылка: <https://totaldict.ru/dictants/orfografiya-kak-zakon-prirody/>

Разумеется, перегибать палку, доводя дело до буквенного фетишизма гоголевского Акакия Акакиевича, не стоит. Однако, как представляется, необходимость решительных мер назрела. Если их не принимать, то и без того всё тише звучащие на фоне громогласных заявлений первых лиц речи дипломатов могут быть вовсе заглушены белым шумом и какофонией СМИ. Сергей Довлатов, один из последних русскоязычных классиков прошлого века, со знанием дела утверждал, что для того, чтобы быть услышанным в Америке, нужно говорить тихо. В отношении современных дипломатов, российских и зарубежных, следует добавить: конкретно и грамотно.

В связи с этим видится потенциально полезным перечитать ковалёвскую азбуку, которая не только освещает семантические аспекты, но и нацелена на сохранение достоинства в слове и деле внешней политики. Несмотря на назидательный и нравоучительный тон (книга заканчивается оптимистичным напутствием будущим дипломатам «Вы справитесь!»²⁰), она может представлять интерес в дидактическом плане. В частности, любопытно соотнести рассмотренные выше тренды с элементами выведенной Ковалёвым тетрады дипломатического документа:

- а) протокольная формула;
- б) смысловое ядро;
- в) аргументационная часть;
- г) изложение фактов²¹.

Протокольные формулы вслед за демократизирующимся протоколом будут неизбежно упрощаться, исходя из логики «протокол для человека», а не «человек для протокола». Привычка «пользоваться случаем, чтобы заверить в своём весьма высоком уважении», скоро уйдёт в прошлое, оставив в качестве комплимента простое, но доступное «с уважением». Смысловому ядру надлежит быть весомым. Именно в нём проявляется индивидуальность. Аргументационная часть – лаконичная. По содержанию – свободная от морализаторства и желательна от эгоизма. Ведь если в некоторых других странах он нынче котируется, это не значит, что мы должны идти тем же путём. По форме – дистиллированная от слов и выражений-паразитов.

Наконец, изложение фактов, должно быть именно изложением фактов, а не их интерпретаций или – тем более – повторением ложной информации. Как бы банально ни звучала здесь фраза известного киногероя 1990-х, но даже в эпоху постправды (или – позволим себе небольшой каламбур – перепост-правды) сила дипломатии – в Правде.

---

²⁰ Ковалев А. Г. *Азбука дипломатии. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Интерпракс, 1993. С. 238.*

²¹ Там же. С. 77.

В заключение остаётся добавить, что беспрецедентная пандемия COVID-19 неизбежно скажется на всех сферах жизнедеятельности, в том числе на внешней политике и, как следствие, на её языке. Самое очевидное и уже наблюдаемое её влияние проявляется в приостановлении деятельности многих международных переговорных площадок и треков или в их переходе в онлайн-формат. Поскольку в коммуникации содержание неразрывно связано с формой, такой сдвиг, скорее всего, отразится и на том, и на другом.

Наряду с этим обозначенная «эгоизация», приоритизация национальных интересов, вероятно, будет только возрастать, в то время как глобализация станет объектом нападков. В критических ситуациях людям свойственно искать виноватых, на роль которых лучше всего подходят «чужие» (мол, это всё они!) или глобалисты/интернационалисты/космополиты (сидели бы у себя дома – ничего бы не было!). Сколь бы примитивными ни казались подобные ксенофобские и антиглобалистские суждения, при должной обработке и «оцифровке» с помощью современных информационно-коммуникационных технологий они просто не могут не войти в арсенал популистов и ораторов, апеллирующих к самым низменным чувствам аудитории. Появление такого контента – реакция на социальный запрос определённых групп.

Некоторые эксперты уже прогнозируют достижение точки невозврата, полагая, что после того, как мир оправится от трагедии, реальность уже не будет прежней²². Это касается глобальной трансформации как ценностных установок²³, так и более прикладных вещей²⁴.

Конечно, пока сложно судить о том, будет ли поствирусная дипломатия качественно отличаться от нынешней. Однако, думается, что даже в текущих неблагоприятных условиях, пребывая в самоизоляции, имеет смысл стремиться к сохранению и поддержанию величия дипломатического языка. Как один из важнейших плодов культуры и средство, в ходе истории неоднократно доказавшее свою эффективность, именно язык дипломатии способен стимулировать международное сотрудничество, столь необходимое и в тяжёлые времена, и после того, как они минуют.

---

²² Попов В. В. Коронавирус и цивилизационный разлом // МГИМО-Университет, 16.04.2020. Ссылка: <https://mgimo.ru/about/news/experts/koronavirus-i-tsivilizatsionnyy-razlom/>

²³ Барабанов О. Н. Ценности коронавирусной эпохи. Мир уже никогда не будет прежним? // Международный дискуссионный клуб «Валдай», 10.04.2020. Ссылка: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/tsennosti-koronavirusnoy-epokhi/>

²⁴ Тимофеев И. Н. COVID-19: что будет, если отправить всех домой // Международный дискуссионный клуб «Валдай», 20.03.2020. Ссылка: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/covid-19-chno-budet-esli-otpraviv-vsekh-domoy/>

СОВЕТ ПО ВНЕШНЕЙ И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ

Российский совет
по международным
делам

МГИМО
УНИВЕРСИТЕТ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

 [ValdaiClubRu](#)

 [ValdaiClubRu](#)

 [t.me/valdaiclub](#)

 [ValdaiClub](#)

 [valdaiclubcom](#)

valdai@valdaiclub.com